

© М. А. Шолохов¹

*Южно-Уральский государственный университет (национальный
исследовательский университет) (Челябинск, Россия)*

КОНЦЕПЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ: ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ

Статья посвящена исследованию репрезентации пространственных образов в уральской поэзии. Материалом для анализа был выбран 4-й том «Антологии современной уральской поэзии», который содержит произведения последних лет. Применены методы цифрового анализа текста, включая составление частотного словаря лексем, имеющих пространственную семантику. В результате исследования доказано, что город часто конфликтует с человеком, однако человек стремится не победить его, а найти своё, родное пространство, которым становится природный локус. Ключевыми пространственными категориями выступают Урал и небо, которые представлены как персонифицированные метафорические наблюдатели, имеющие положительную коннотацию в ключе природной интерпретации образов. Автор приходит к выводу о том, что пространство в уральской поэзии строится на принципе двойственности, а преодоление конфликта лирического субъекта с городской средой происходит через поиск духовно близкого пространства в природных и лично значимых локусах.

Ключевые слова: Уральская поэзия, локальный текст, пространственная семантика, частотный словарь, город и природа, вертикальная ось

Matvey A. Sholokhov

*South Ural State University (National Research University)
(Chelyabinsk, Russia)*

THE CONCEPT OF SPACE IN URAL POETRY: FREQUENCY VOCABULARY AND SEMANTICS OF IMAGES

The article explores the representation of spatial imagery in Ural poetry. The material for analysis was the fourth volume of the Anthology of Contemporary Ural Poetry, which features works from recent years. The study employs digital text analysis methods, including the creation of a frequency dictionary of lexemes with spatial semantics. The research shows that the city

¹ Матвей Александрович Шолохов – аспирант кафедры «Русский язык и литература» Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). ORCID: 0000-0001-7505-3981. E-mail: mat-74@mail.ru.

often comes into conflict with the individual; however, the person does not seek to conquer it but rather to find their own, native space, which is embodied in the natural locus. The key spatial categories are the Urals and the sky, both portrayed as personified metaphorical observers with a positive connotation in the context of nature-based imagery. The author concludes that space in Ural poetry is constructed on the principle of duality, and the lyrical subject overcomes the conflict with the urban environment through a search for spiritual connection in natural and personally significant loci.

Keywords: Ural poetry, local text, spatial semantics, frequency dictionary, city and nature, vertical axis.

В современном литературоведении особое внимание уделяется исследованию локальных текстов, что отражает растущий интерес к культурным особенностям регионов и их взаимосвязи с национальными и глобальными процессами. Уральский поэтический текст создает уникальное пространство, объединяя образы, символы, тесно связанные с географическим, культурным и историческим контекстом Урала.

Концепция локального текста была впервые предложена В. Н. Топоровым [Топоров, 2003, с. 30] в рамках анализа Петербургского текста и впоследствии развита Ю. М. Лотманом [Лотман, 1996, с. 84], который уделял особое внимание пространственным аспектам в литературе. Локальные тексты регионов, включая Урал, до недавнего времени оставались вне внимания ученых.

Исследование уральской поэзии приобретает особую актуальность в условиях децентрализации российской культуры. В исследовании региональной литературы предлагаются новые подходы к осмыслению национального и регионального наследия. Уральский поэтический текст отражает эти изменения, представляя уникальные формы и темы, которые выходят за рамки традиционных столичных культурных ориентиров. Такая тенденция особенно выражается в изучении художественного пространства произведений: именно через него авторы переосмысливают окружающий мир. В рамках данного исследования художественное пространство рассматривается не только как отражение реального, но и как метафизическое, напрямую транслирующее в художественные тексты мироощущение авторов.

В последние десятилетия используются новые технологии при обработке больших текстовых массивов². Так, составление частотных словарей, которые позволяют систематизировать лексический состав текста и выявлять его

² В исследовании применены цифровые методы анализа пространственной семантики в уральской поэзии.

ключевые семантические элементы (например, частотность лексем с пространственной семантикой) открывает возможности для понимания художественных концепций пространства в локальных текстах. Данный подход позволяет выявить скрытые закономерности в уральской поэзии, которые ранее могли оставаться вне поля зрения исследователей.

Объектом данного исследования является уральский локальный поэтический текст. Понятие локального текста охватывает корпус произведений, в которых центральной темой выступает определенное географическое пространство, а образ этого пространства формируется через взаимодействие и взаимосвязь текстов, составляющих данный корпус. Локальный текст может быть сосредоточен как на отдельных городах (например, петербургский, московский, пермский тексты), так и включать целые регионы (крымский, уральский, сибирский тексты). Исследование этого феномена берет начало в трудах таких выдающихся ученых, как В. Н. Топоров [Топоров, 2003, с. 30] и Ю. М. Лотман [Лотман, 1996, с. 84], изучавших пространственные аспекты классической литературы. В настоящее время особое внимание уделяется исследованию провинциальных локальных текстов, включая современные литературные явления. Художественный мир уральской поэзии изучают такие исследователи, как В. В. Абашев [Абашев, 2000], Д. М. Давыдов [Давыдов 2001], Е. А. Смышляев [Смышляев 2019], С. Подлубнова [Подлубнова 2022], О. Э. Татаурова [Татаурова 2018] и др.

По мнению В. В. Абашева, одного из ведущих исследователей уральской литературы, уральский локальный текст формируется в условиях децентрализации культурного пространства России. В своей работе «Пермь как текст» Абашев показал, как в уральской литературе создается образ региона и становится частью культурного наследия страны [Абашев, 2000, с. 90]. Он утверждает, что уральская литература, активно развивающаяся после распада СССР, противопоставлена столичной, – альтернатива традиционным представлениям о российской культурной идентичности. Такого же мнения придерживается Д. М. Давыдов: «Мифологема провинции возникает как реакция на очевидный моноцентризм общественной и культурной жизни в России» [Давыдов, 2001, с. 44].

В качестве материала для исследования был выбран 4 том «Антологии современной уральской поэзии», составленный и изданный под редакцией В. О. Кальпиди [Антология современной..., 2018]. Книга представляет собой культурный проект, обобщающий проблемы формирования и развития регионального поэтического текста. Антология позволяет зафиксировать ключевые моменты и тенденции уральской поэзии, начиная с конца XX века. Особенность

этого проекта заключается в регулярном «стоп-кадре» литературного процесса региона, что позволяет наблюдать и анализировать эволюцию как отдельных авторов, так и поэтической среды в целом. Отобранные произведения создают динамичную и разнообразную картину поэтической жизни Урала, способствуя популяризации и признанию региональной поэзии на общероссийском уровне.

В четвертом томе антологии современной уральской поэзии (он завершающий в серии) собраны произведения последних лет (до 2018 год). Этот том включает произведения 42 авторов, среди которых уже известные поэты и новые имена, не так давно появившиеся на литературной сцене. Составитель и редактор тома Виталий Кальпиди сосредоточился на подборе текстов, которые отражают современные тенденции в уральской поэзии, – интеграцию местных тем с глобальными проблемами и эксперименты с формой.

Анализ тенденций восприятия пространства в локальном тексте – масштабный подход, порождающий методологические трудности: для достижения объективных результатов необходимо систематически обрабатывать обширный корпус произведений, состоящий из тысяч текстов. В связи с этим в последние годы в научной среде набирают популярность цифровые методы исследования поэтического творчества, которые предоставляют возможности для эффективного анализа больших текстовых массивов [Селезнева, 2004, с. 47]. В данном исследовании применен метод, основанный на создании частотного словаря – перечня наиболее часто употребляемых лексем в рамках отдельно взятого корпуса текстов.

В отечественной филологии ещё в 1960-е годы был опубликован «Частотный словарь современного русского языка» под редакцией З. А. Штейнфельдт [Штейнфельдт, 1963]. Этот словарь включал около 2500 слов, наиболее часто употребляемых в русском языке. Словарь выявил лексические особенности языка того времени. В последующие десятилетия частотные словари стали неотъемлемой частью литературоведческого анализа [Ляпунов, 2017, с. 203]. Так, например, О. Н. Зотова использовала данный метод для общей характеристики лирики Владимира Соловьева, причем ключевым элементом поэтического мира, описываемым при помощи частотной словаря, стало именно художественное пространство [Зотова, 2013, с. 40].

Как отмечают А. В. Александрова и В. П. Зайцева, такие словари нашли применение не только в изучении иностранных языков, но и в разработке кодовых систем, кластеризации документов и контент-анализе, что подчеркивает их универсальность и важность для разных областей знаний [Александрова, 2016, с. 74].

Литературовед В. М. Жирмунский ввел понятие «поэтический словарь», подчёркивая его значимость для интерпретации художественного мира поэта [Жирмунский, 1997, с. 86]. По мнению Ю. М. Лотмана, создание такого словаря позволяет исследователю получить контуры мира, созданного автором, понять его внутреннюю логику и структуру [Лотман, 1996, с. 92]. В свою очередь, М. Д. Маслова утверждает, что выявленные частотные лексемы играют ключевую роль в понимании авторского замысла и идейно-тематических концепций произведений. Она отмечает, что эти лексемы можно рассматривать как «ключевые слова», которые отражают центральные идеи и образы в творчестве конкретного автора [Маслова, 2021, с. 28].

М. Л. Гаспаров, один из ведущих исследователей в области статистического анализа литературных текстов, утверждает, что частотные словари играют ключевую роль в понимании художественного мира автора [Гаспаров, 1997, с. 421]. В своих работах Гаспаров подчеркивал, что частотный словарь позволяет переводить художественный мир на филологический язык, что является важным шагом в интерпретации текстов. В дополнение к этому, Л. В. Селезнева, опираясь на работы Жирмунского и Гаспарова, отмечает, что полученные с помощью частотного словаря данные являются объективными, поскольку они не зависят от субъективных пристрастий исследователя и точно отражают то, что представлено в тексте [Селезнева, 2004, с. 48].

Таким образом, цифровые методы, включая создание частотных словарей, оказываются незаменимыми инструментами в современном литературоведении, позволяя исследователям глубже проникать в сущность литературных произведений и выявлять скрытые закономерности, которые ранее могли оставаться незамеченными.

Частотный словарь лексем с пространственной семантикой

Первая задача исследования – составление частотного словаря четвертого тома «Антологии современной уральской поэзии». С этой целью была применена программа компьютерного анализа текстов «AntConc»³, в частности – инструмент «Words», составляющий на основе загруженного корпуса перечень наиболее употребляемых в текстах слов с указанием частотной характеристики.

В результате была получена таблица из 1000 слов от наиболее к наименее часто употребляемым. Самым частым словом оказался союз «как» (1274 упо-

³ М. Д. Маслова, используя эту методику при исследовании несказочной прозы Среднего Урала, пришла к выводу ее эффективности для регионального материала.

трёхбуквенный), самым редким – существительное «дело» (13 употреблений). Однако данный частотный словарь, содержащий абсолютно все лексемы, а не только пространственные, не подходил для нашего исследования. Далее был проведен ручной смысловый отбор единиц частотного словаря. Лексемы с пространственной семантикой, включенные на первом этапе в число слов-указателей (например, «здесь», «под», «там»), впоследствии были исключены из выборки, т.к., не несли концептуальной нагрузки и не создавали художественный образ. В итоге был сформирован список, включающий в себя 104 слова.

Полученный частотный словарь лексем, связанных с пространственными и визуальными образами, требовал дальнейшей интерпретации с целью определения концептуальных тенденций. В первую очередь необходимо было классифицировать слова, исходя из их общего семантического наполнения. Было выделено 5 категорий слов: абстрактные маркеры пространства (лексемы, характеризующие те объекты, которые мы можем увидеть, но их местоположение невозможно конкретно определить), конкретные маркеры пространства – локусы (нарицательные лексемы, характеризующие категорию конкретных объектов реальности: части ландшафта, города и т.д.), конкретные маркеры пространства – топосы (собственные лексемы, характеризующие категорию конкретных объектов реальности: названия городов, рек и т.д.), образы предметной реальности (лексемы, характеризующие конкретные, частные предметы реальности, имеющие принципиальное художественное значение и организующие пространство), свойства пространства (лексемы, описывающие характеристики пространства, влияющие на создание его образа, отражающие атмосферу пространства и передающие эмоциональное впечатление о нем).

Далее приведем категории, выделив в каждой наиболее употребляемые лексемы и отметив в скобках число их употреблений.

1. Абстрактные маркеры пространства: небо (221), вода (213), мир (148), земля (143), воздух (112), край (37), пустота (35), далеко (25), страна (19).

2. Конкретные маркеры пространства: дом (144), город (117), река (85), лес (75), школа (49), море (29), берег (28), улица (19), комната (17), гора (15).

3. Конкретные топонимы пространства: уральский (143), Урал (75), Екатеринбург (64), российский (52), русский (51), Свердловская (24), Россия (20), Пермь (19), Москва (15), Тагил (15).

4. Образы предметной реальности: книга (207), журнал (85), птица (71), трава (71), дерево (69), окна (62), рыба (59), страница (55), огонь (43), паровоз (42).

5. Свойства пространства: снег (182), ночь (124), тень (72), ветер (71), дождь (71), темнота (62), тьма (60), утро (51), лето (50), зима (46).

Очевидно, что самой высокой общей частотой обладают образы предметной реальности, в ней же наибольшее количество слов. Наивысшей средней частотой обладают абстрактные маркеры пространства. Таким образом, мы можем сделать вывод, что абстрактные маркеры пространства встречаются в корпусе текстов чаще остальных при своей не самой высокой численности; лексемы, отражающие образы предметной реальности, являются самой массивной группой, что связано с наполнением категории конкретными объектами реальности, которые зачастую используются поэтами в лирическом сюжете. В связи с этим их можно сделать вывод об их показательности в ключе отражения концепции пространства всего корпуса текстов.

Категория абстрактных маркеров пространства

Лексемами с наибольшей частотой в представленной модели являются небо (221) и вода (213). Вне контекста данные образы формируют вертикальную взаимосвязанную картину пространства: водная гладь + отражающееся в ней небо, низ + верх. Это подтверждают и следующие по частоте употребляемости лексем в категории абстрактных маркеров пространства: земля (143), воздух (112). В. В. Абашев отмечал наличие в уральской литературе подобной тенденции, которая проявляется в описании пространства, направленного вверх и вниз, охватывающего как недра земли, так и вершины гор. Такая вертикальная структура не только формирует коннотации скрытности и потусторонности, но и устанавливает связь пространства с внутренним миром персонажа.

Оба выделенных образа имеют непосредственное отношение к миру природы, отражают открытое пространство, символизируют простор и выход за пределы повседневной городской реальности. Данные тезисы подтверждает употребление лексем в контексте, в особенности – в текстах, напрямую, при помощи топонимов, указывающих на уральское пространство. Городской локус взаимодействует с небом опосредованно. Трубы и дым, ключевые для уральской поэзии образы, связанные с городом, вторгаются в небесное пространство, являясь для неба чужими: «Под небом, трубами распятом, // трамваем в твой Свердловск поедем» (с. 169)⁴, – Владимир Зуев, «Штрихуют небо дальние дымы» (с. 243), – Евгений Касимов. Так противопоставлены города заводов и небо природное. Конкретно обозначены топонимы: «Смонтировать

⁴ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: [Антология современной..., 2018]. В крупных скобках указана страница.

молчание ветвей // и лодку – вот такую, но длинней – // я забываю, только небо – ближе. // Урал лежит с рекою ниже ног, // жонглируя трамваями как бог, // тяжёлою рукой сминая крыши» (с. 398), – Елена Оболишшта. В приведенном тексте напрямую отражается вертикаль «вода и небо» в восприятии лирического субъекта. Кроме того, Урал здесь можно воспринимать и как название реки, и как название топоса региона. Такая двойственность отражается в специфической вертикальной репрезентации Урала: если сначала он «лежит рекою ниже ног», то в конце уже «сминает рукой крыши», то есть персонифицированный образ пространства находится одновременно и снизу, и сверху, выражается и в земле, и в небе. Это позволяет делать вывод о непосредственной символике единства вертикального пространства в образе топоса Урала.

Однако вне привязки к конкретному локусу коннотация неба иная: лексема у разных авторов несет семантику холода, зачастую – сопровождается эпитетом «ледяное». В этом ключе небо становится отражением внутреннего мира героя, который проецируется вовне: «А в небе тают облака, // и в промежутках // зияет синяя тоска – // и сердцу жутко» (с. 24), – Ирина Аргутина. Причем важно, что не весь внешний мир отражает переживания лирического субъекта, а только небо. «Холод неба» формирует образ лирического субъекта как бесстрастного наблюдателя, который, как бог, возвышается над миром и смотрит за каждым человеком: «И небо – смесь молчанья и свинца» (с. 69), – Илья Будницкий⁵.

Формируется следующая тенденция: образ неба напрямую отражает внутренний мир лирического героя. Небо несет семантику холода – лирический субъект становится безразличным наблюдателем (в случае проецирования внутреннего мира на внешний). Небо вызывает восхищение («бездонное небо – разглядывать над головою», с. 136, – Александр Ерофеев) в том случае, когда герой, созерцая внешний мир, проецирует его на внутренний.

Итак, абстрактные маркеры, создающие образ пространства как естественного и природного (небо, вода, земля, воздух), характеризуют его как просторное и масштабное (край, пустота, далеко, страна), а также вертикально ориентированное. Природные пространственные образы, несущие положительные коннотации, вступают в конфликт с городскими.

⁵ «Свинец» вводит мотив тяжести. См. об этом: Шолохов М. А. Вертикальная структура как основная пространственная концепция в уральской поэзии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2025. Т. 25. № 3. С. 105.

Категория конкретных маркеров пространства

Лексемы, обозначающие локусы, то есть нарицательные обозначения конкретных мест в реальности, можно условно разделить на две категории: городские (дом, город, школа, улица, комната) и природные (река, лес, море, берег, гора).

Городские локусы частотно преобладают над природными: первые два места в списке занимают дом (144) и город (117) со значительным отрывом от последующего – реки (85). Слово «дом» нельзя однозначно отнести с категории городского пространства, скорее, это архетип, символический образ, связанный с человеком. Интересно, что образ дома двойственен: он несет позитивную семантику как часть природного мира в пространстве («переспевшие листья плывут как ольховые лодки // мимо наших домов, мимо нежности русской», с. 92, – Екатерина Гришаева), и негативную в городском пространстве («конструктивистские дома-города», с. 17, – Нина Александрова). Можно выделить в восприятии дома два уровня: как родного места (как правило, образ возникает в контексте дома загородного, в связи с природным пространством) и как места, где множество людей чувствуют себя чужими, где все они ютятся как в сотах (в контексте дома городского). Но в этом ключе возникает неожиданное единство противоположностей: дом становится образом, соединяющим в себе родной локус, непосредственно связанный с душой человека, и чужое пространство, где люди существуют в тесноте, не имея выбора. Такой оксюморон – в строчках Елены Ионовой: «В мой дом, где чутко слышат этажи, // И люди расползаются по сотам» (с. 203), где локус дома персонифицируется, становится близким и сочувствующим человеку, а люди метафорически уподоблены насекомым, вынужденно стремящимся в свои небольшие убежища. Такое противопоставление очень значимо в контексте уральской литературы, отражая одновременно позитивное (в ключе духовного пространства) и негативное (в ключе реального пространства) восприятие города.

Образ города закономерно возникает в пространственно-ориентированной поэзии, так как отражает пространство, непосредственно окружающее каждого из авторов и непрерывно ими переосмысляемое. Наиболее часто в контексте город является фоном для лирического сюжета, но при этом зачастую он имеет мрачную эмоциональную характеристику: «злокачественный город // нанизан на трамвайный позвоночник» (с. 335), – Сергей Матросов, «Города, похожие на горе» (с. 460), – Андрей Санников, «Никто никого не любит // В дневном городском аду» (с. 201), – Андрей Ильенков. В некоторых произведениях

данная лексема выступает в качестве полноценного образа. Например, у Михаила Куимова город описывается как место, в котором лирическому герою тесно, как физически, так и морально: «О городок! ... // Едва пространства. Потому нам мало // В нём воздуха. И времени» (с. 307)⁶.

В целом, образ города в корпусе текстов раскрывается через стремление героя вырваться наружу, причем, как правило, в мир природный, противопоставленный городскому. Причем вновь антитеза строится на вертикальной оси: так, в тексте «Нежный Тагил» Владислава Семенцула город приобретает позитивный смысл, т.к. рядом находится близкий человек, а пространство обращено к небу: «Облака вылетали из труб // Свет над городом небо белил» (с. 478).

Таким образом, маркеры конкретного пространства отражают как топологический конфликт, так и двойственность отношения поэтов к внешнему миру. Так, город, вызывая негативные ассоциации, включается в вертикальную картину мира, где противопоставляется природному пространству. Двойственность дома реализуется в двух коннотациях: негативной, где дом является частью города, и позитивной, где дом становится своим местом для лирического героя.

Конкретные маркеры пространства (топонимы)

Маркеры конкретного пространства, наименования реальных локаций или топонимы, позволят определить отношение авторов корпуса к обозначенным регионам и городам. Наиболее употребляемыми в этой категории стали слова уральский (143) и Урал (75), что может говорить о значимости глобального осмысления всего макрорегиона. Причем Урал практически во всех текстах персонифицирован, он выступает в роли полноценного очеловеченного героя: «Страна вокруг – как шиферная кровля // панельной молодой пятиэтажки, // стоит Урал и курит наверху» (с. 464), «Урал один сидит на берегу» (с. 463), – Андрей Санников, «Урал к тебе протягивает сырость // и пьёт с лица изломанной реки» (с. 396), – Елена Оболишнта. Поэты как бы вступают в диалог с метапространственным образом, стремятся найти в нем причину и смысл внутренних и социальных проблем: «Урал, Урал – обманщик, балабол!» (с. 243), – Евгений Касимов. При этом Урал остается безответным, он просто существует, наблюдает за нами. Становится неким локальным богом: «Урал лежит с рекою ниже

⁶ С этим рифмуется перевод стихотворения белорусской поэтессы Марии Мартысевич «Ехро bel mon апои» (с. 572), где образ города непосредственно связан с мотивом побега.

ног, // жонглируя трамваями как бог, // тяжёлою рукой сминая крыши» (с. 398), – Елена Оболикшта. Отметим также, что даже в приведенных выше цитатах топос Урала связан с пространством речным, водным⁷.

Также можно утверждать, что Урал отражает пространство, описываемое в тексте: хронотоп города – Урал представлен в негативном ключе, хронотоп природы – Урал представлен в ключе позитивном. Но несмотря на это, он продолжает присутствовать во многих текстах, как бы существуя «над» пространством реальным.

Анализ городских топонимов ведет к неожиданным выводам. Вместо негативных, мрачных характеристик «чужого» пространства – эмоционально-окрашенные упоминания конкретных городов говорят о теплом и нежном отношении к ним авторов: «Пермь благоухает» (с. 226), – Виталий Кальпиди, «нежный Тагил» (с. 478), – Владислав Семенкул. Через все тексты, номинирующие Свердловск, проходит мотив ностальгии по уже несуществующему образу. Очевидно, что негативное отношение выражено в творчестве уральских авторов по отношению к абстрактному образу города, к пространству «человейников», дорог и заводов, конкретные же места на карте сопровождают приятные ассоциации, о них поэты говорят с нежностью.

Таким образом, наименования пространств раскрывают неоднозначное отношение к ним: «Урал» заключает в себе «негативное» и «позитивное», становясь зеркалом авторского отношения к пространству, топосы же городов вызывают положительные эмоциональные отклики, что полностью противоположно отношению к городу как к абстрактному локусу.

Категория образов предметной реальности

Слова в этой категории описывают конкретные объекты, которые наполняют художественное пространство текстов, детали и локальные образы. Их можно тематически разделить на три смысловые группы: предметы, связанные с литературой (книга – 207; журнал – 85, страница – 55), предметы природные (птица – 71, трава – 71, дерево – 69, рыба – 59, огонь – 43) и предметы, созданные человеком (окна – 62, паровоз – 42).

Сразу же обратим внимание на последнюю группу с наименьшей численностью и частотой употребления. При всей разности эти образы имеют схожий символический смысл – перехода из одного пространства в другое, причем

⁷ Последнюю цитату мы приводили выше в ключе анализа природного пространства.

окно – метафора портала, паровоз – постепенное перемещение (мотивы путешествия, странствия).

Наиболее часто употребляемая группа – образы литературно-поэтические, такая тематика всегда занимала особое место в поэзии.

Наиболее численной в данной категории является тематическая группа, описывающая образы природные. Как мы уже не раз отмечали, природные локусы играют ключевую роль в художественном пространстве уральской поэзии, данная категория в очередной раз подтверждает этот тезис. Образы травы и деревьев являются классическими в описании природных пространств, оба связаны непосредственно с землей, деревья могут символизировать «укорененность» в ней, невозможность оторвать от конкретного места, трава же – жизнь, которая везде прорвется и прорастет, жизнь повсеместную и естественную. Оба смысла гармонично укладываются в формирующуюся концепцию пространства уральских авторов.

Таким образом, при рассмотрении объектов предметного пространства возникают уникальные для этой категории мотивы искусства, литературы и поэзии. Вновь появляются природные образы, которые здесь несут конкретный смысл: отражают семантику привязки к какому-то месту. Необычный смысл раскрывается в лексемах окно и паровоз: слова отражают связь между разными пространствами, что на самом деле активно прослеживается и в остальных категориях.

Категория свойств пространства

Свойства пространства описывают хронотоп за счет указания не на наименования локусов, а за счет обозначения их характеристик. В данную категорию мы отнесли все лексемы, которые так или иначе влияют на восприятие пространства, формируют специфические его особенности. Обратим внимание на две основные тенденции: во-первых, в категории превалируют светотеневые характеристики, описывающие пространство как темное, мрачное (ночь – 124, тень – 72, тьма – 60), во-вторых, температурные описания создают холодную, зимнюю картину (снег – 182, ветер – 71, дождь – 71, зима – 46). Первая тенденция указывает на общую мрачную, негативную окраску пространства текста, о которой мы также уже говорили выше. Вторая характеристика, с одной стороны, также может говорить о негативной коннотации пространства, на что указывает тотальный холод, но с другой стороны, может являться отражением географических особенностей пространства, указывать на суровые климатические

условия Урала. Кроме того, отметим, что вынесенными в две тематические группы лексемами категория не ограничивается, также здесь есть слова утро (51) и лето (50), которые выбиваются из эмоциональной картины. Эти лексемы формируют контрастные пары: утро – ночь, зима – лето.

Эмоциональная неоднородность, которая, к тому же, содержит явно выраженные контрасты, в очередной раз подтверждает наличие в уральской поэзии эмоционального конфликта, но, кроме этого, и сочетание противоположностей, что является одним из основных концептуальных признаков исследуемого корпуса текстов.

Итак, можно сделать выводы о нескольких важных концептуальных особенностях, связанных с пространственными образами. Одна из ключевых – преобладание природных образов, которые в большинстве случаев имеют положительные коннотации. Образы природы формируют вертикальную пространственную ось, указывающую на единство верхнего и нижнего миров, что соответствует внутреннему миру лирического героя.

Противоположны природным образам образы городского пространства. Абстрактный образ города ассоциируется с мрачностью, подавленностью и холодом, что отражает общее негативное восприятие городской среды. Город предстает как враждебное, бездушное пространство, чуждое поэтическому субъекту.

Однако, несмотря на четко прослеживаемое противопоставление, возникает сложная картина пространства, отличающаяся двойственностью. Она реализуется в образах дома и города. Дом, будучи местом, где люди вынуждены ютиться и жить, как насекомые, оказывается чутким и сочувствующим герою. Город имеет две ипостаси: урбанистическую и географическую, первая реализует мотивы места человека в городе, противостояния с ним лирического субъекта, вторая – отношение авторов к конкретным реальным топонимам, вызывающим нежные ассоциации и формирующим ностальгию и любовь к родному пространству.

Образ уральского пространства также двухуровневый: во-первых, природное, чаще всего речное, связанное, как и все природные образы, с положительными эмоциями; во-вторых, персонифицированный образ, возникающий в обращениях к нему лирических субъектов в страданиях, в поисках ответов на вопросы, но остающийся бесстрастным наблюдателем. Урал ассоциируется с богом, который находится рядом, но не вмешивается.

Образ неба также отличается двухуровневостью: «природное», вызывающее позитивные эмоции, зачастую отражает внутренний мир субъекта, при этом действуя, как наблюдатель, свысока. Таким образом, небо и Урал, возникая в поэтических текстах, сближаются, уподобляясь богу (первое – верхнего пространства, второй – нижнего – река Урал). Урал и небо не противопоставлены человеку, хоть и смотрят на него отстраненно. Вертикаль не противопоставляет, а объединяет верхний и нижний миры положительным зарядом природных локусов.

Образы дома и города – то, в чем поэты стремятся найти духовный смысл, в своей конкретике сближаются природными образами.

Таким образом, абстрактный город вступает в конфликт с человеком, который стремится найти в этом мире «свое» пространство. Таким пространством становится природа. Но и город переосмысливается: дом не только давит, но и сочувствует, а топосы городов воспринимаются как родные места, вызывающие ностальгию, а не желание сбежать. Ключевыми с точки зрения пространства оказываются образы Урала и неба – метафоры Бога, наблюдающего за людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абашев, В. В.** Пермь как текст / В. В. Абашев – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. **Александрова, А. В.** Актуальность составления и использования частотных словарей / А. В. Александрова, В. П. Зайцева // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции, Махачкала, 17 апреля 2016 г. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация», 2016. – С. 74–76.
3. **Антология современной уральской поэзии.** 2012–2018 гг. / ред., сост. В. О. Кальпиди. – Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2018. – 760 с.
4. **Гаспаров, М. Л.** Художественный мир М. Кузьмина. Тезаурус формальный и тезаурус функциональный / М. Л. Гаспаров // Избранные труды. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – С. 416–433.
5. **Давыдов, Д. М.** Стратегии подмены и мифологизации (Парадоксы литературной регионалистики в свете дихотомии «Центр vs. Периферия») / Д. М. Давыдов // Серая лошадь. «Владивосток – Москва»: дайджест региональной поэзии. – 2001. – № 4. – С. 144–150.
6. **Жирмунский, В. М.** Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Стилистика: избр. тр. / В. М. Жирмунский [вступ. статья Д. С. Лихачева]; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 407 с.

7. **Зотова, О. Н.** Общие характеристики частотного словаря лирики Владимира Соловьёва / О. Н. Зотова // Соловьёвские исследования. – 2013. – № 4(40). – С. 27–42.
8. **Лотман, Ю. М.** О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
9. **Ляпунов, С. М.** Методология анализа текста с помощью составления частотных словарей по частям речи / С. М. Ляпунов, А. С. Алымов // Научный альманах. – 2017. – № 10–3(36). – С. 203–206.
10. **Маслова, М. Д.** Несказочная проза среднего Урала: опыт компьютеризованного анализа / М. Д. Маслова // Пятая зимняя школа по гуманитарной информатике: сборник докладов, Калининград, 16–18 декабря 2021 года. – Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2021. – С. 27–34.
11. **Подлубнова, Ю. С.** Уральская поэтическая школа: фантом или реальность / Ю. С. Подлубнова // *Quaestio Rossica*. – 2022. – Т. 10. – № 5. – С. 1836–1851.
12. **Селезнева, Л. В.** Методология частотных словарей / Л. В. Селезнева // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2004. – № 1(39). – С. 47–56.
13. **Семьян, Т. Ф.** Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12. – № 2. – С. 28–32.
14. **Смышляев, Е. А.** Современная поэзия Челябинска как локальный текст: монография / Е. А. Смышляев. – Челябинск: Изд-во «Библиотека А. Миллера», 2019. – 206 с.
15. **Татаурова, О. Э.** Стратегия развития региональной поэзии (на примере уральской поэтической школы) / О. Э. Татаурова // Молодая филология. Человек, культура, социум: Сборник статей по материалам ежегодной научной студенческой конференции, Пермь, 24–25 апреля 2018 г. / Ответственный редактор И. А. Подюков, редактор Е. Е. Бразговская, составитель К. Е. Петрова. – Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2018. – С. 175–178.
16. **Топоров, В. Н.** Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003. – 616 с.
17. **Штейнфельдт, Э. А.** Частотный словарь современного русского литературного языка: 2500 наиболее употребительных слов: Пособие для преподавателей рус. яз. / Науч.-исслед. ин-т педагогики Эстон. ССР. – Таллин: [б. и.], 1963. – 316 с.

REFERENCES

1. **Abashev, V. V.** Perm' kak tekst / V. V. Abashev. – Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s.
2. **Aleksandrova, A. V.** Aktual'nost' sostavleniya i ispol'zovaniya chastotnykh slovarey / A. V. Aleksandrova, V. P. Zaytseva // Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya v svete sovremennykh issledovaniy: sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Makhachkala, 17 aprelya 2016 goda. – Makhachkala: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Aprobatsiya", 2016. – S. 74–76.
3. **Antologiya sovremennoy ural'skoy poezii.** 2012–2018 gg. / red., sost. V. O. Kal'pidi. – Chelyabinsk: Izdatel'stvo Mariny Volkovoy, 2018.
4. **Davydov, D. M.** Strategii podmeny i mifologizatsii (Paradoksy literaturnoy regionalistiki v svete dikhotomii «Tsentri vs. Periferiya») // Seraya loshad'. «Vladivostok – Moskva»: daydzhest regional'noy poezii. – 2001. – № 4. – S. 144–150.
5. **Gasparov, M. L.** Khudozhestvennyy mir pisatelya: tezaurus formal'nyy i tezaurus funktsional'nyy / M. L. Gasparov // Problemy strukturnoy lingvistiki. – 1988. – T. 1984. – S. 125–137.
6. **Lotman, Yu. M.** O poetakh i poezii: analiz poeticheskogo teksta : uchebnik / Yu. M. Lotman. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 1996. – 848 s.
7. **Lyapunov, S. M.** Metodologiya analiza teksta s pomoshch'yu sostavleniya chastotnykh slovarey po chastyam rechi / S. M. Lyapunov, A. S. Alymov // Nauchnyy al'manakh. – 2017. – № 10–3(36). – S. 203–206.
8. **Maslova, M. D.** Neskazochnaya proza srednego Urala: opyt komp'yuterezovannogo analiza / M. D. Maslova // Pyataya zimnyaya shkola po gumanitarnoy informatike: sbornik dokladov, Kaliningrad, 16–18 dekabrya 2021 g. – Kaliningrad: Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta, 2021. – S. 27–34.
9. **Podlubnova, Yu. S.** Ural'skaya poeticheskaya shkola: fantom ili real'nost' / Yu. S. Podlubnova // Quaestio Rossica. – 2022. – T. 10. – № 5. – S. 1836–1851.
10. **Selezneva, L. V.** Metodologiya chastotnykh slovarey / L. V. Selezneva // Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. – 2004. – № 1(39). – S. 47–56.
11. **Sem'yan, T. F.** Chelyabinskaya poeziya kak chast' ural'skogo poeticheskogo dvizheniya / T. F. Sem'yan, E. A. Smyshlyaev // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2015. – T. 12. – № 2. – S. 28–32.

12. **Shteynfel'dt, E. A.** Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: 2500 naibolee upotrebitel'nykh slov: posobie dlya prepodavateley rus. yaz. / Nauch.-issled. in-t pedagogiki Eston. SSR. – Tallin: [b. i.], 1963. – 316 s.

13. **Smyshlyayev, E. A.** Sovremennaya poeziya Chelyabinska kak lokal'nyy tekst: monografiya / E. A. Smyshlyayev. – Chelyabinsk: Izd-vo «Biblioteka A. Millera», 2019. – 206 s.

14. **Tataurova, O. E.** Strategiya razvitiya regional'noy poezii (na primere ural'skoy poeticheskoy shkoly) / O. E. Tataurova // Molodaya filologiya. Chelovek, kul'tura, sotsium : sbornik statey po materialam ezhegodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii, Perm', 24–25 aprelya 2018 goda / Otvetstvennyy redaktor I. A. Podyukov, redaktor E. E. Brazgovskaya, sostavitel' K. E. Petrova. – Perm': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya “Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet”, 2018. – S. 175–178.

15. **Toporov, V. N.** Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannye trudy / V. N. Toporov. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2003. – 616 s.

16. **Zhirmunskiy, V. M.** Teoriya literatury. Poetika. Stilistika : izbr. tr. / [vstup. stat'ya D. S. Likhacheva]; AN SSSR, Otd-nie lit. i yaz. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977. – 407 s.

17. **Zotova, O. N.** Obshchie kharakteristiki chastotnogo slovarya liriki Vladimira Solov'yova / O. N. Zotova // Solov'evskie issledovaniya. – 2013. – № 4(40). – S. 27–42.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025 г.